

УДК 82.091[821.161.3+821.111(73)]

Криштоп И. С.,
аспирантка,
Минский государственный
лингвистический университет
(Беларусь)

ДОМИНАНТЫ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ ЭДНЫ МИЛЛЕЙ И КОНСТАНЦИИ БУЙЛО

Сравнительное изучение литератур разных народов и стран – одно из традиционных направлений филологической науки, которое в настоящее время приобретает особую актуальность. Соотнесение национальных достижений в литературе с инациональными создаёт условия для более чёткого выявления и понимания общего и специфического содержания исследуемых явлений, определения однотипности и разнородности сравниваемых явлений. Познание явления, в таком случае, не ограничивается определением его сходства или различия с другими явлениями, поскольку имеет своей целью характеристику его внутренней сущности. Т. Шамякина утверждает, что любой феномен может быть осмыслен или “через раскрытие его собственной уникальной природы” или “через сопоставление с другими фактами и явлениями”, что “позволяет более основательно рассмотреть оба” [5, 12].

В связи с вышесказанным сравнительно-типологическое исследование явлений белорусской и американской литературы, разделенных огромным пространством, социально-экономическими и политическими условиями, делает возможным создание представления о литературной эпохе не просто как о хронологическом отрезке времени, но и как о динамическом целом.

В первой половине XX века в американской литературе приобрела известность Эдна Сент-Винцент Миллей (1892–1950), ставшая лауреатом Пулитцеровской премии в 1923 году за сборник “Сплетающая струны для арфы и другие стихотворения” (*The Harp-Weaver and Poems*, 1923) и награжденная в 1943 году золотой медалью Американского поэтического общества. Её поэтические работы наиболее полно демонстрируют нетрадиционную атмосферу и захватывающие изменения американского общества 20–30-х гг. XX века, а четверостишие о горящей свече с двух концов (“*My candle burns at both ends, / It will not last the night; / But ah, my foes, and oh, my friends – / It gives a lovely light!*”) [9] называют гимном тех, кто выступал за “ниспровержение викторианской морали” [10, 12]. Основной темой многих поэтических произведений Э. Миллей является любовная, которая искусно дополняется онтологическими мотивами в сочетании с сугубо личной, интроспективной интонацией. В комментариях Э. Аткинс (E. Atkins) отмечается, что поэзия Э. Миллей “полна лиризма и настроения, т.к. представляет новые грани женственности и женской сексуальности, сфокусирована на проблемах проявления амбивалентности социальных и культурных изменений” [6, 146]. Современницы американской поэтессы воспринимали её любовную лирику как “энциклопедию, или даже

настольную книгу”, потому что автор не просто рассказывала о любви, а открывала “глубину женской натуры для самих же женщин, показывала её способности и возможности”. Э. Миллей верила “в духовную силу женщины, способной перевернуть своё сознание, открыть в себе новое, принять свои настоящие чувства, эмоции, а не прятать их” [8].

Наиболее оригинальной в творчестве представительницы белорусской литературы Констанции Буйло (1893–1986) называют любовную лирику, которая, по мнению белорусского исследователя Л. Тарасюк, наиболее полно “соответствует характеру личности, индивидуальности” поэтессы [4, 18]. Интересно то, что К. Буйло не писала “специальных” любовных циклов. Однако именно с её именем в истории белорусской литературы связывается начало расцвета “женской” лирики. Современник поэтессы А. Луцкевич зафиксировал: “К. Буйло – молодая, полная сил и желания жить девушка, у которой на первом месте находится личное счастье, чувство любви” [1, 6]. Следует отметить, что, создавая поэтические строки о любви, белорусская поэтесса ещё не испытала данного чувства. В этом она признаётся в письме-воспоминании: “Я писала стихотворения про любовь, когда ещё не была переполнена ею” [1, 318]. Однако представленная в поэтических произведениях белорусского автора лирическая героиня способна на высокие, настоящие, искренние чувства.

Несмотря на то, что Э. Миллей и К. Буйло – фигуры в американской и белорусской литературах соответственно яркие и неоднозначные, их творческие индивидуальности на данном этапе является не детерминированными во многих отношениях, поэтому вопросы атрибуции художественного метода, определения мировоззренческой и эстетической позиций, характеристики художественного мира остаются открытыми. На данный момент фонд исследовательской литературы по творчеству поэтесс преимущественно составляют разбросанные по различным сборникам и журналам статьи и рецензии, содержащие критические обзоры отдельных поэтических произведений и биографические данные. Недостаточная изученность ведущей темы поэтического творчества американской и белорусской поэтесс и возможность использования сравнительно-типологического метода определили актуальность данного исследования, цель которого – системный анализ ключевых образов и мотивов любовной лирики Э. Миллей и К. Буйло.

Предчувствие любви, её ожидание, расцвет, разочарование в любимом, боль разлуки – все эти мотивы звучат в лирике американской и белорусской поэтесс. Лирических героинь Э. Миллей и К. Буйло нельзя представить вне любви, что означало бы – вне жизни. Любовь у поэтесс принимает различные оттенки, однако преимущественно это безоглядное, стихийное, неистовое, бурное, желанное чувство, т.е. обе поэтессы акцентируют внимание на страсти как интенсивном проявлении любви. Особо следует отметить, что чувство любви в лирике обеих поэтесс всегда внутренне драматично:

*Let us pour all our passion; breast to breast
Let other lovers lie, in love and rest;
Not we, -- articulate, so, but with the tongue
Of all the world: the churning blood, the long
Shuddering quiet, the desperate hot palms
pressed
Sharply together upon the escaping guest,
The common soul, unguarded, and grown
strong.*

"Into the golden vessel of great song"

E. Millay [9]

*О, не кажыце вы, што рана загаілась,
Што меней кроў яе ўжо аблівае...
Бо хоць і змоўк вулкан, застыла лавы мора,
Нутро яго кініць гарачымі агнямі.*

"Рана" [2, 21]

*Ваал! Я ўсё спаліла на алтары...
Глядзі: высокаю узносіцца гарою
Мой попел...*

"Ваал! Я ўсё ўжо спаліла на алтары..."

К. Буйло [2, 30]

В любовной лирике белорусской поэтессы лирическая героиня – это скорее юная девушка, упивающаяся любовью, полная нерастроченной нежности, надежд, оптимизма. Она смотрит на мир широко открытыми глазами и с открытым сердцем. Такое же отношение обнаруживается и в понимании чувства любви: оно всегда искреннее и глубокое. Всё отдать, всем пожертвовать – единственный принцип любви, который приемлет лирическая героиня К. Буйло: *"Няхай жа пры грудзях тваіх я вылью слёзы, / Адкрыю хай душу... / Усё няхай скажу... / Дай выказаць усё, мне гэта, можа шчасцем будзе..."* ("Мы зноў сустрэліся") [2, 41].

Лирическая героиня в произведениях Э. Миллей в отличие от героини К. Буйло предстаёт перед читателем через парадигму различных женских образов: она и мать, и невеста, и жена, и сестра, и королева. В стихотворении "Ведьма" ("Witch-wife") автор перечисляет "чудесные" качества ведьмы (прекрасный цвет лица, густые волосы, звонкий голос), которые не приносят ей счастья, т.к. сама ведьма является плодом вымысла (фантазии) (*"But she was not made for any man"*) [9], а не реально существующим человеком.

Образ женщины в поэтических произведениях Э. Миллей двойственен: она является и победительницей и проигравшей, она чувствует свою силу и слабость одновременно. Эта противоречивость особенно хорошо заметна при сравнении следующих произведений: *"We talk of taxes, and I call you friend"*, *"Into the golden vessel of great song"*, *"Not with libations, but with shouts and laughter"*, *"Only until this cigarette is ended"*, *"And you as well must die, beloved dust"*, *"Oh, think not I am faithful to a vow!"*, *"Once more into my arid days like dew"*, *"When I too long have looked upon you face"*, *"As to some lovely temple, tenantless"*, *"Night is my sister, and how deep in love"* [9]. В данных произведениях присутствуют как свойственная женскому образу мышления сентиментальность, мягкость, чрезмерная эмоциональность, так и тщательный анализ поступков и действий, хладнокровность, решительность, смелость. Поэтому лирическая героиня Э. Миллей способна "вкусить запретный плод" любви, погрузиться в чувство любви до полного растворения, при этом сохранить целостность личности. Учитывая факты биографии Э. Миллей, можно заключить, что образ женщины, представленный в её творчестве, автобиографичен: *"I, being born a woman and distressed / By all the needs and notions of my kind, / Am urged by your propinquity to find / Your person fair, and feel a certain zest / To bear your body's weight upon*

my breast: / So subtly is the fume of life designed, / To clarify the pulse and cloud the mind, / And leave me once again undone, possessed” [9].

В поэтических произведениях Э. Миллей описана борьба между разумом и чувствами женщины в момент наступления нового чувства, нахождения в состоянии любви и расставания. Американский автор указывает на универсальность и разнообразие данных состояний человеческой души актуализацией образов-мифологем: Лесбии (созидательная и одновременно разрушительная сила женственности), Лилит (Царица Тьмы и нечистых чар, черная женственность), Елены (прекрасная красавица), Дидоны (приносящая себя в жертву), Психеи (олицетворение души). Введением этих образов Э. Миллей подчёркивает идею литературной преемственности, и её образ женщины становится своеобразным продолжением на новом витке литературного, исторического и общественного развития, осуществляя взаимосвязь между литературными и историческими эпохами и формируя целостную систему женских образов. Таким образом, поэтесса выходит в область широких обобщений, оставаясь в сфере любовных переживаний.

Ожидание радости – лейтмотив любовной лирики К. Буйло, который дополняется семантикой мотива предчувствия чего-то ещё неизведанного: *“Свіснуў раз і другі ў захапленні любві салавей”; “А дружкі-зоры штось пяялі / б шчасці вечнага кахання” [1, 32].* В ней присутствуют как поэтизация страсти, так и душевный порыв навстречу чувству, которое вот-вот зародится, обновляя собой весь мир. Вариации этих мотивов в стихотворениях *“Ляці, думка”, “Мне сніўся сон”, “Мы зноў сустрэліся...”* выявляют особенности индивидуально-авторского мышления: *“Я шукала цябе, мой мілы, ўжо даўно, – / Я шукала цябе, выглядала / Вось такога, як сніўся ў дзявочых мре снах, / Хоць тады я цябе йшчэ не знала!” (“Я шукала...”) [2, 42].* Пожалуй уникальным случаем поэтизации страсти можно назвать стихотворение *“Ваал! Я ўсё ужо спаліла на алтары...”*, в котором автор с помощью христианско-языческой символики акцентирует разрушительную силу чувства любви: *“Бо ўсё, што мела я, спаліла на алтары... / Усю душу маю я па куску нясла. / А ён усё паліў... бо вельмі быў гарачы...” [2, 30].*

В поисках собственных художественных средств, белорусская поэтесса предлагает своеобразную игру представлений: для выражения чувства любви она применяет опосредованный образ. Таким приёмом пользовалась народная поэзия, однако у неё были другие цели: на протяжении долгого времени необходимо было постепенно перейти от мифологической системы взглядов к метафорической. В творчестве К. Буйло соединяются различные уровни метафоризации, в том числе парадоксальное “упрощение” или, наоборот, “нанизывание” метафорического смысла: *“Як я цябе люблю – хай скажа гэта мора, / Што ў грудзях маіх бушуе, хай гавора / Аб тым сэрца, што тваіх вачэй / Сон прабудзіў яго, аж дрогнула сільней.” (“Як я цябе люблю...”) [2, 38].* Пример другого варианта любовного признания – через кокетливый отказ от признания – также актуализируется в поэтических произведениях К. Буйло: *“Не хачу я нічога казаці табе, / Бо баюся, што ў словах маіх / Выліецца каханне маё да цябе, /*

Што усё зразумееш ты з іх.” (*“Не хачу я нічога казаці табе...”*) [2, 45].

Американская поэтесса в отличие от белорусской поэтессы не возвышает чувство любви, а, наоборот, приземляет его, делает таким же обычным, как чувство голода или страха. Любовь не является доминирующей, а рассматривается как составная часть всего спектра чувств, эмоций и желаний. Э. Миллей раскрывает данное чувство через ассоциативную связь с вполне обычными реалиями жизни – еда, сон, жажда. Автор представляет несколько определений любви: *“Love is not all: it is not meat nor drink / Nor slumber nor a roof against the rain / Nor yet a floating spar to men that sink...”*, *“Love like a burning city in the breast...”* [9]. Любовь “обрастает” в текстах Э. Миллей разнообразными эстетическими значениями: любовь – это и тоска, духота, огонь, свет, огонь, смятение, туман, смерть. Поэтесса сталкивает значения, отражающие двойственность любви: светлой, жизнеутверждающей и сжигающей, разрушительной одновременно. Поэтические произведения Э. Миллей выявляют то, что романтически-эротическая страстная любовь может быть понята как знак смелости, сила, независимости, а не доверчивости, слабости, гендерной принадлежности.

В мировой литературе существуют как устоявшиеся образцы истинной любви, так и набор определённых средств их выражения. В сонете *“Love is not blind”* Э. Миллей ставит под сомнение устоявшееся “любовь слепа”, анализирует традиционное понимание и восприятие чувства любви и представляет портрет “некрасивой” возлюбленной (*“...I see with single eye / Your ugliness and other women’s grace. / I know the imperfection of your face, / The eyes too wide apart, the brow too high / For beauty”*) [9]. Можно констатировать, что Э. Миллей продолжает идею сонета 130 У. Шекспира *“My mistress’ eyes are nothing like the sun”*, но отличие заключается в том, что У. Шекспир иронизирует над стандартом красоты, представленным в сонетах Петрарки, а Э. Миллей высказывает беспокойство по поводу невозможности сломать стереотип, существующий с давних времён (*“...Well I know / What is this beauty men are babbling of; / I wonder only why they prize it so”*) [9]. Э. Миллей приходит к выводу, что у поэта есть два пути: либо находиться в рамках определенной традиции либо иметь смелость полностью отказаться от неё, что может сделать только поистине талантливый человек.

Традиционно разлука ослабляет чувства, однако в поэтических произведениях К. Буйло описана любовь, которая усиливается вдали от любимого, и расстояние и время не властны над ней: *“... ў мяне не хопіць сілы / Вырваць з душы маёй і з сэрца майго”* (*“Не магу”*) [2, 32]. В таких ситуациях само чувство сравнивается с бушующим морем (*“Як я цябе люблю – хай скажа мора, / Што ў грудзях маіх бушуе”*). Судьба разводит двух людей, предназначенных друг другу, и это вызывает непонимание и печаль в душе лирической героини К. Буйло. В стихотворении *“Адна”* сожаление об ушедшей любви дополняется мотивом одиночества: *“Адна, ізноў адна, як колос той у полі / Не сцяты ў час жніва навостранным сярпом, / Зламаны ветрамі гулячымі на волі / Між апусцелых ніў, спалосканых дажджом.”* (*“Адна”*) [2, 44].

Разлука, расставание и неудавшаяся любовь – частотный мотив в

любовной лирике Э. Миллей. Среди причин расставания называются люди, время, непонимание, несовпадение устремлений и т.д., при этом “постижение науки расставанья” лирической героиней становится основой для ироничного мировосприятия (“*I shall forget you presently, my dear, / So make the most of this, your little day*”) [9], а не драматического (как в лирических произведениях К. Буйло).

Американская поэтесса неоднократно использует идею цикличности природных процессов для иллюстрации цикличности чувства любви и приходит к выводу, что, не смотря на силу чувства, оно всегда имеет завершение. Например, в сонете “*Pity me not*” представлено расширенное сравнение природы и любви: тепло заката сравнивается с теплом чувства любви, которые постепенно исчезают, т.к. день сменяется ночью; утрата романтичности чувства в сонете сопоставляется с образами убывающей луны и отлива (“*Pity me not the waning of the moon, / Nor that the ebbing tide goes out to sea...*”) [9]; лирическая героиня сравнивается со “свежими обломками”, образовавшимися в результате эмоционального шторма, идея которого воплощена при помощи образа порывистого ветра. В октаве поэтесса, противопоставляя разум и сердце (“*Pity me that the heart is slow to learn what the swift mind beholds at every turn*”) [9], подчёркивает, что не стоит сожалеть по поводу уходящего чувства, и объясняет, что разум быстрее понимает и принимает ситуацию, чем сердце, т.е. принятие решения о завершении любви не является сферой сердца, где она (любовь) царит. В целом уходящее чувство любви, угасающая страсть в поэтических произведениях американского автора представлены как вполне естественные явления и ставятся в один ряд с закатом, осенью, отливом и т. д.

Мотив одиночества, который присутствует в любовной лирике Э. Миллей и К. Буйло, реализуется в самых разных формах: он присутствует в качестве повторяемого и варьируемого отдельного слова или словосочетания, выступает в виде заглавия или же остаётся угадываемым, ушедшим в подтекст:

<i>Thus in the winter stands the lonely tree, Nor knows what birds have vanished one by one, Yet knows its boughs more silent than before: I cannot say what loves have come and gone, I only know that summer sang in me A little while, that in me sings no more.</i>	<i>Дык к шчасцю нам, відаць, закрэслены пугі, І ты стаіш адна... Адна з сваёй думою. “Шэрая гадзіна” [2, 49] Адна, ізноў адна, як колас той у полі... Адна, ізноў адна... Тужліва сэрца нью. І сумна, сумна мне. Дзе той, каго любіла? І “Адна” К. Буйло [2, 44]</i>
---	--

E. Millay [9]

Одиночество позволяет лирическим героиням погрузиться в личностную рефлексию, предоставляющую потенциал для глубокого духовного развития.

Отчётливой приметой любовной лирики К. Буйло является идеализация как отношений между “я”-героем и объектом лирического переживания, так и силы чувства: чувство любви приобретает окраску неземной красоты, иногда соотносится с гармонией космоса: “*Ў краіне мар паднябеснай лалі, / Дзе зоры свет ракой лілі, / Ў праменнях сонца мы спаткалісь, / Не знаючы яшчэ зямлі.*” (“*Ў краіне мар...*”) [2, 36]. В лирике К. Буйло также имеет место драматизация взаимоотношений между лирическими героями по причине некой фатальности

(“Не гляді...”, “Адна”, “Не могу...”). В выше обозначенных стихотворениях одиночество лирической героини воспринимается как явление глобальное в своих масштабах, предполагающее сложный спектр взаимосвязей человека с окружающим миром. Рефлексия лирической героини К. Буйло основывается с первую очередь на личных интимных переживаниях: *“І сумна, сумна мне. Дзе ж той, каго любіла?”* В тоже время поэтическая мысль стремится охватить безграничность мира и человеческих чувств: *“Адна, ізноў адна... А вецер думцы уторыць, / І стогнамі мяне ўцішае ён сваімі: / Я – брат табе, я друг, – мне, стогнуць, гаворыць, – / Адзін нас поміць боль – дык плачмо ж разам мы!..”* (“Адна”) [2, 44].

Тема взаимоотношений между мужчиной и женщиной является сильной стороной творчества Э. Миллей. Описывая их, она проявляет себя как глубоко и тонко чувствующий психолог, даёт точную оценку эмоциональному состоянию мужчины и женщины в различных ситуациях. В стихотворении “Дафна” (“Daphne”), основным мотивом которого является преследование возлюбленной, поэтесса иронично интерпретирует всемирно известную историю любви Аполлона и Дафны и превращение Дафны в лавровое дерево. Автором ставится под сомнение необходимость проявления настойчивости преследователем и акцентируется желание женщины быть свободной и самостоятельной (*“Still it is your will to follow, / I am off; – to heel, Apollo!”*) [9]. Эта идея подтверждается индивидуально-авторской интерпретацией символа лавра, венками из которого награждали в Древней Греции героев-победителей: автор акцентирует значение лавра-дерева как обычного неодушевленного объекта, который становится трофеем вместо человека, которого нельзя заставить любить против воли: *“Any moment I can be / Nothing but a laurel-tree”* [9].

Для представления индивидуально-авторского взгляда на отношения “муж-жена”, “мужчина-женщина” в стихотворении “An Ancient Gesture” американская поэтесса апеллирует к образу верной жены короля Улисса, представленной во всемирно известной эпической поэме Гомера “Одиссея”, и ожидавшей мужа с Троянской войны 20 лет. Лирическая героиня сравнивается с Пенелопой, которая в ожидании мужа занималась ткачеством (достаточно традиционным для женщины занятием) и плакала. Утирание слёз – жест-мотив, объединяющий двух героинь – представительниц разных исторических эпох, свидетельствует о традиционности и искренности их чувств и мыслей и противопоставляющий женские образы образу короля Улисса (*“Ulysses did this too. / But only as a gesture, – a gesture which implied / To the assembled throng that he was much too moved to speak”*) [9]. Таким образом, в стихотворении поднимается вопрос о верности женщины-жены, месте и роли женщины в обществе, а также противопоставляются чувства мужчины и женщины.

Характеристикой, отмеченной в творчестве обеих поэтесс, является то, что их лирические героини – это любящие, а не возлюбленные, поэтому мужской образ, как правило, либо описан очень поверхностно либо не индивидуализирован. В поэтических произведениях К. Буйло “Не гляді”,

“Чаму?”, “Як я цябе люблю...” можно отметить в качестве единственно значимой характеристики любимого человека поэтизацию образа его глаз: “Скажы мне, мілы, чаму – / Толькі гляну я ў вочытвае – / Мне здаецца, што ноч прад сабою я маю? / Так глыбокі яны, як яна, / І так ясны, як зоркі яе” [2, 41].

Любовное чувство в творчестве обеих поэтесс выступает в качестве своеобразного катализатора, накапливающего вокруг себя и приводящего в движение чувства, эмоции, впечатления и действия, т.е. подтверждается, что “духовность и любовь – взаимозависимые категории, которые существуют на одном уровне ценностных парадигм в бытии личности” [3, 148]. Любовь в творчестве обеих поэтесс никогда “не умирает” – она перевоплощается, принимает разные обличья и вечно возрождается. Причина этого обновления для Э. Миллей достаточно очевидна: любовь – начало бытия и источник-воплощение творчества: как не могла она жить и не писать, так не могла жить и не любить. В поэтическом мире К. Буйло любовь – чувство одухотворяющее, возвышающее человека над повседневностью, делающее его внутренний мир богатым и эмоционально насыщенным.

Таким образом, в своих поэтических произведениях Э. Миллей разрушает веками сложившийся стереотип женщины, взаимоотношений между мужчиной и женщиной, отношения к чувству любви. Поэзии К. Буйло свойствен более традиционный подход в презентации лирической героини и её душевных исканий. Любовь в стихотворениях Э. Миллей – чувство сложное: это не только высший дар, но и противостояние двух людей, которое причиняет душевную боль. Любовное чувство у К. Буйло описывается словно сквозь воспоминания или мечтания, существует в ореоле эмоций, как бы восстанавливаемых ретроспективно или пробужденных ожиданиями. В поэтических произведениях, посвященных теме любви, обеими авторами раскрывается один из самых болезненных этапов любовной драмы – расставание, при этом у лирической героини Э. Миллей данный момент не вызывает чувства смятения, отчаяния или безысходности, а в творчестве К. Буйло наполнен горечью и страданием. Однако творчество двух авторов объединяет желание и способность их лирических героинь самостоятельно делать выбор, смело заявлять о себе и о своих чувствах. Героини К. Буйло и Э. Миллей осознают невозможность любви под гнетом обстоятельств, поэтому отстаивают своё право на независимость и свободу. Обе поэтессы раскрывают огромный потенциал женской природы в её отношении к любви, умение искать и находить, думать и делать, что является новым для литературы двух стран.

Литература

1. Буйло К. Выбраныя творы : [у 2-х т.] / К. Буйло. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1981. – Т. 2. – 334 с.
2. Буйло К. Пялёсткі курганнай кветкі / К. Буйло. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. – 95 с.
3. Калядка С. У. Беларуская сучасная жаночая паэзія : мастацкія канцэпцыя “жаночага шчасця” / С. У. Калядка. – Мінск : Беларуская навука, 2010. – 163 с.
4. Тарасюк Л. Тварыць і кахаць / Л. Тарасюк // Роднае слова. – 1998. – № 6. – С. 16–21.
5. Шамякіна Т. І. Міфалогія і беларуская літаратура / Т. І. Шамякіна. – Мінск : Мастацкая

- літаратура, 2008. – 285 с.
6. Atkins E. Edna St. Vincent Millay and Her Times / E. Atkins. – Chicago : U of Chicago P, 1964. – 265 p.
 7. Letters of Edna St. Vincent Millay / [ed. by A. R. Macdougall]. – New York : Grosset & Dunlap, 1952. – 384 p.
 8. Milford N. Savage Beauty : the Life of Edna St. Vincent Millay / N. Milford. – 1st ed. – New York : Random House, 2001. – 550 p.
 9. Millay E. Poems [Electronic resource] / E. Millay // The World's Poetry Archive. – 2008. – Mode of access : URL:http://www.poemhunter.com/i/ebooks/pdf/edna_st_vincent_millay_2004_9.pdf.
 10. Smith D. A Portrait of Edna St. Vincent Millay as Poet and Free Spirit / D. Smith // The New York Times. – August 30, 2001. – Mode of access : http://www.arlindo-correia.com/edna_millay.html.

Аннотация

Статья посвящена сравнительно-типологическому исследованию основные образов, мотивов и идей любовной лирики Э. Миллей (1892–1950) и К. Буйло (1883–1986). Обосновывается мысль о том, что поэтессы раскрывают потенциал женской природы в её отношении к любви и выдвигают на первый план умения женщины искать и находить, думать и делать, что является новым в образе лирической героини для литератур двух стран. Показано, что чувство любви в поэзии обеих поэтесс – многоаспектное явление, при этом акцентируется страсть как интенсивное проявление любви.

Ключевые слова: любовная лирика, мотив, образ женщины, стереотип, индивидуальность, духовность.

Анотація

Стаття присвячена порівняльно-типологічному дослідженню основних образів, мотивів та ідей любовної лірики Е. Міллей (1892–1950рр.) і К. Буйло (1883–1986 рр.). Стаття містить обґрунтування думки стосовно того, що почуття любові у поезії обох поетес є багатоаспектним явищем, при тому, що пристрасть акцентується як інтенсивний прояв кохання. Обидві поетеси виносять на перший план уміння ліричної героїні шукати й знаходити, думати й робити, її бажання зберегти свободу, що є новим для американської та білоруської літератур.

Ключові слова: любовна лірика, мотив, образ жінки, стереотип, індивідуальність, духовність.

Summary

The article is devoted to the complex research of love poetry written by E. Millay (1892–1950) and K. Bujlo (1883–1986). In the article the basic images, motives and ideas of their poetry are analyzed and compared. The article substantiates the idea that the poets reveal the potential of female nature in its relation to love and highlight the woman's ability to seek and find, think and do. The female image presented by poets is new to both literatures. It is shown that the feeling of love in the works of both poets is a multidimensional phenomenon and passion is accented as an intense expression of love.

Keywords: love poetry, motive, image of a woman, stereotype, individuality, spirituality.